

Когда шестой флот бесчестит наши
порты,

я думаю о Кубе...

И потому, что кубинский народ
вдохновляет надежду,
я верю в Испанию.

(Габриэль Селайя. «Шестой флот—
американский флот»).

В сборник входят стихи не только поэтов, лишивших на кастильском языке, но и пишущих по-каталонски. Это своего рода демонстрация единства всех испанцев, когда дело касается кубинского примера и испанской свободы. Один из каталонцев, Пере Карт, говорит все о том же — чтобы все поняли значение борьбы, которую ведет далекий остров:

Heinrich Böll. Erzählungen, Hörspiele, Aufsätze. Köln — Berlin, Verlag Kiepenheuer und Witsch, 1961.

ГЕНРИХ БЁЛЬ — ПУБЛИЦИСТ

Многие буржуазные литераторы ФРГ считают реализм устаревшим. Непричастность художника к политике возводится ими почти в норму поведения. В этих условиях приверженность писателя к реальности, непритулившееся чувство ответственности за все, что происходит вне твоего «я», в какой-то мере стали актом немалого гражданского мужества.

«Простое упоминание слова «действительность» вызывает, как правило, неприятное ощущение. Это — как упоминание о зубном враче, визит к которому обычно стараешься оттянуть как можно дальше, хоть и знаешь, что оттягивать бесполезно. Наш современник убежден в том, что действительность ужасна и мучительна, что надо держаться подальше от нее — и без того хватает будней, нескончаемых хлопот и тревог. К чему еще какие-то чуждые, далекие тебе реальности? Но чуждое только кажется чуждым, далекое только кажется далеким. Нег ничего на свете такого, до чего писателям не было бы дела, другими словами: в той или иной степени нас касается все». Эти слова, заставляющие вспомнить о самых благородных традициях классической литературы, взяты из сборника произведений Генриха Бёля «Рассказы, радиоспектакли, статьи».

Самое интересное в сборнике — публицистические статьи. Рассказы, включенные в него, издавались ранее, многие из них уже переведены на русский язык. Радиоспектакли в большинстве своем — предварительные наброски к романам Бёля (с этой точки зрения они несомненно интересны для

Наступит день, когда Куба
перестанет островом быть...

О художественных качествах книги лучше всего говорят имена ее участников: помимо процитированных авторов, в книге приведены стихи Рафаэля Альберти, Бласа де Отеро, Хесуса Лопеса Пачеко (Пачеко посылает Фиделю «поэму с заостренным концом» — быть может, она пригодится в борьбе за свободу). Хосе Агустина Гойтисоло, Хаиме Хиля де Бьедма и многих других. Эти имена уже хорошо известны всему миру. Они прославлены тем, что их носители пишут правду — и пишут сердцем. Именно так и написаны стихи о Кубе.

О. САВИЧ

исследователей творчества писателя). Статьи же впервые собраны вместе, расположены в хронологическом порядке и дают относительно полное представление о взглядах Бёля. Они помогают глубже понять и его творчество, и ту атмосферу, в которой оно развивается.

Первая статья сборника — «В защиту литературы руин» — написана в самом начале творческого пути Бёля и является как бы прологом ко всему этому пути, профессиональным и нравственным кредо писателя. «Первые литературные опыты нашего поколения, — говорил тогда Бёль, — были названы литературой руин... Название само по себе справедливо: шесть лет была война, мы вернулись с нее домой, дома нашли руины и писали о них. Станным, почти подозрительным было только то, что это название звучало в устах некоторых критиков осуждающе; хотя нас как будто и не делали ответственными за войну и руины, но нам явно ставили в вину то, что мы их видели; а у нас не было повязок на глазах, мы видели это; хорошее зрение является для писателя орудием производства. Увести современника в мир идиллий представлялось нам ужасным, потому что ужасным было бы пробуждение, — или, может, нам и вправду надо было начать играть в жмурки?»

Хорошее зрение является для писателя орудием производства. Именно такое зрение у писателя Бёля, и он по праву ценит его, отвергая какие бы то ни было повязки или цветные очки (не обязательно даже играть в жмурки, есть еще розовые, голубые, темные очки, окрашивающие действительность всякий раз в нужный цвет, говорит Бёль). Именно это зрение помогло ему вопреки многим собственным заблуждениям подняться до таких высоких художественно-политических обобщений, как роман «Бильярд в половине десятого», с которым недавно познакомились советские читатели.

С
Р
Е
Д
И
И
К
О
В
Е

Бёль, как и многие писатели его поколения, пришел в литературу с войны, во время которой фашизм, как казалось тогда этим писателям, полностью уничтожил гуманистические традиции не только немецкой нации, но и всего человечества, пришел — если говорить об идейных основах творчества — почти с пустыми руками, но с честными, «неподкупными», как он пишет, глазами. И, вглядываясь в окружающую его действительность, наблюдая за теми, кто «ставил ему в вину» его глаза, Бёль пришел к своему мировоззрению, где решающую роль играет отнюдь не католическая религиозность, хотя Бёль и убежденный католик, а прежде всего глубокое чувство личной ответственности за судьбы мира.

Если сначала Бёль, изображая и войну и послевоенную разруху, — что было главной темой его раннего творчества, — стремился только к предельной достоверности изображаемого (пусть и необыкновенно сильной с точки зрения эмоционального осуждения фашизма автором), то по мере того, как он наблюдал за развитием западногерманского государства, он шел к более глубоким обобщениям, и тогда на его страницы, посвященные современности ФРГ, ложился багровый отблеск всей милитаристской истории империалистической Германии. Историческая преемственность между западногерманским реваншизмом и германским империализмом ни у одного из писателей ФРГ не показана с такой силой художественной убедительности.

При этом Бёль исходит, казалось бы, прежде всего из чисто эстетических, а не из политических принципов. «Я повторяю, — пишет он, — хорошее зрение является для писателя орудием производства, зрение достаточно хорошее, чтобы различить вещи, которые еще не появились в пределах видимости... Какого бы человека мы ни взяли, он принадлежит нашему времени, находится внутри него, он опутан датами, как сетями, и извлечь его из этих сетей значило бы лишить его жизни». Но именно в подчеркнутой реалистичности этих принципов и находится объяснение того замечательного сплава поэтического и общественного, который восхищает нас в лучших произведениях писателя. Бёль просто не может быть аполитичным писателем, оставаясь верным этим принципам. Восстанавливая связь времен; распахнувшись во многих произведениях писателей-модернистов, Бёль по необходимости приходит к реальной истории, прежде всего к немецкой истории. И не только в таком большом полотне, как роман «Бильярд в половине десятого», целиком построенном на принципе воссоздания связи времен. Повсюду в творчестве Бёля исторические реминисценции, на первый взгляд самые неожиданные, вдруг не только рождают глубокие художественные обобщения, но и приобретают отчетливую политическую актуальность.

...Вы знаете, как умер Лоэнгрин? Он не покинул людей в челне с лебедем, а умер на большой кровати, крича от боли и страха, с переломанными ногами, и был он

не рыцарем Грааля, а двенадцатилетним немецким парнишкой, пытавшимся в первый тяжкий послевоенный год украсть уголь с проходящего поезда (рассказ «Смерть Лоэнгрин»). А во имя чего погибли триста спартанцев в Фермопильском ущелье, сражаясь с целым войском персов? Этого так и не успели узнать юноши, ушедшие со школьных скамей на захватническую гитлеровскую войну, — они не дописали этой фразы, и она оборвалась на полуслове: «Спа...» — как крик, застрявший в горле (рассказ «Путник, когда ты придешь в Спа...»). Исторические реминисценции здесь как бы озаряют всю недолгую преступную историю «третьего рейха» с его претензиями на «тысячелетие» — Бёль судит фашизм и послевоенный реваншизм судом времени, и эта высокая полемичность является неотъемлемой частью его писательского метода.

«Народ без пространства» — крикливо провозгласил в свое время формулу германского империализма фашистский литератор Ганс Гримм. «Дом без хозяина» — с горечью подвел Бёль итоги гитлеровской политики «распространения». Временные ассоциации Бёля неизменно приводят к неумершему прошлому. В повести «Хлеб ранних лет» даже сфера человеческой любви оказывается неизгладимо отмеченной, как проклятием, бременем прошлого — и несправедливой войны, и послевоенного эгоизма и стяжательства; песнь песней становится трагедией в мире «экономического чуда». Даже в самых далеких от истории и политики страницах поэтического «Ирландского дневника» вдруг всплывают горькие аналогии. «Никто не попытается здесь разрушить старую стену, — рассказывает Бёль о своем посещении заброшенного ирландского поселка. — Даже дети, которые гонят скот с пастбища, не пытаются обвалить стену или сорвать дверь пустующего дома; наши же дети, когда мы забрели в этот поселок, тут же попытались хоть что-нибудь сравнять с землей. Здесь никто ничего не сравнивает с землей, здесь оставляют ветхие части покинутых жилищ на пропитание ветру, дождю, солнцу и времени».

Немало страниц в публицистической части сборника посвящено преступной политике западногерманских реваншистов. При этом Бёля прежде всего волнует вопрос, насколько сильна в немецком народе сопротивляемость этой политике, его гражданский иммунитет против реваншистской чумы. Это главная моральная, художественная, политическая проблема всего творчества Бёля. Человек религиозный, моралист, иногда почти проповедник, Бёль ищет в своих соотечественниках не христианского милосердия, а ненависти, и есть что-то от суровых пророчеств Екклесиаста в той неумолимой настойчивости, с которой он предостерегает чужеземцев от притупляющих совесть и ум соблазнов «экономического чуда». Вспомним Неллу из романа «Дом без хозяина», монологи Иоганны Фемель в «Бильярде в половине десятого», звучащие как заклинание, или эти горь-

кие, почти отчаянные слова из «Бильярда», которые говорит один из героев, глядя на омерзительное зрелище марширующих реваншистов: «Я боюсь не того, что такие люди появились у нас снова, а того, что в этой стране не появилось иных людей». Трагичность судеб многих героев Бёля объясняется не столько условиями, в которых они живут, сколько ощущением своего бессилия в борьбе со злом.

Эта тема всплывает постоянно и в публицистике Бёля — повсюду, где он говорит об опасности реваншизма: «Люди, которые в жаркие летние дни, возвратившись с неудавшихся загородных прогулок, раздраженно и без удовольствия глотают здесь теплый лимонад, провожали когда-то своих сыновей и братьев к поездам, увозившим их отсюда в смерть. Что убило их скорбь, убило в них память? Как мало лиц в этой стране говорят о том, что их владелец способен к памяти и скорби,— пишет Бёль в одной из статей.— Цены на сердце и совесть падают... Единственная угроза, которая сегодня вселяет страх в сердце немца,— это угроза уменьшения сбыта... Есть очень много очень умных, очень сообразительных молодых людей, которые самым беспокояющим образом информированы, образованы, осведомлены о третьей пунической войне не хуже, чем о Фолкнере, я только спрашиваю себя, где начинается, где началось бы их сопротивление?»

Особенно непримирим Бёль по отношению к официальным представителям католической церкви, поставившим себя на службу милитаристской политике Бонна.

Вот перел нам «Письмо молодому католику» (1958). С какой страстностью объясняет Бёль молодому солдату, что «моральные соблазны солдатской жизни, против

которых предостерегал его армейский священник, лежат отнюдь не в сфере сексуального, а в самой реваншистской, антигуманистической сути бундесвера. Католик Бёль произносит резкие, почти еретические слова: «Избегайте проповедей, читаемых дивизионным священником... армия не спортивное общество...— она распоряжается смертью миллионов людей... Вы, дорогой господин М., можете при случае спокойно усомниться в догме о телесном вознесении Марии, и вам придется выслушать в высшей степени утонченное, умное и богословски обоснованное назидание, но если вам придет в голову усомниться в негласной догме о непогрешимости Христианско-демократического союза, то ваш духовный пастырь проявит нервозность, причем самым недобрым и неуточенным образом... Ересей больше нет, теологи устремились на ниву политики... Аденауэр—католик, Штраус и многие другие — тоже; чего же вы еще хотите?»

Бёль готов преподавать молодому солдату-католику азбуку не религии, а истории: «Будьте осторожны, мой юный друг, когда богословы говорят о справедливой обороне... если же вы захотите все-таки поискать примеры справедливой обороны, вы найдете их в недавнем прошлом: большевистская Россия в 1941 году, когда туда вторглась немецкая армия, находилась в состоянии справедливой обороны; Дания, Норвегия, Франция — возьмите карту Европы и посчитайте страны».

Публицистика Бёля заслуживает самого серьезного внимания. Это не только страницы эстетической и гражданской исповеди крупного писателя. Это страницы самой истории современной Германии — как и все творчество Генриха Бёля.

А. КАРЕЛЬСКИЙ

A Maltese Anthology. Compiled by A. J. Arberry. Oxford, at the Clarendon Press, 1960.

Dun Karm, Poet of Malta. Texts chosen and translated by A. J. Arberry. Introduction, notes and glossary by P. Grech. Cambridge, at the University Press, 1961.

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРА МАЛЕНЬКОГО ОСТРОВА

До самого последнего времени Мальта была белым пятном на карте мирового литературоведения, хотя остров лежит под боком у Европы. Теперь этот пробел до некоторой степени восполняют две книги, составленные известным

английским востоковедом А. Дж. Арберри, — «Мальтийская антология» и «Дун Карм — поэт Мальты».

Как сообщает журнал британских востоковедов «Бюллетен оф скул оф ориентал стадиз», это первые книги на английском языке о мальтийской литературе, литературе, созданной маленьким народом, который, начиная со времен Карфагена, находится под чужеземной властью, препятствующей его национальному развитию. Английские колонизаторы, обосновавшиеся на острове с 1800 года, ни за что не хотят расстаться с этой жемужиной Средиземного моря.

«Мальтийская антология» состоит из трех частей. В первой помещены образцы мальтийского фольклора — сказки, пословицы, загадки и народные песни. Все тексты этого раздела даются

ОРЕНТИАЛСТАДИЗ